Глава первая

Лаки

Когда ваше лицо узнают по всему континенту, вы не имеете права ошибаться.

Особенно — на сцене.

Я вглядывалась в кричащую толпу, свет ослеплял меня. Из-за этого рева я не слышала собственного голоса.

Однажды на сцене я бросилась в протянутые руки танцовщицы, крошечный микрофон сдвинулся под моими волосами — и голос сорвался в самый драматичный момент моего хитового сингла «Heartbeat».

Мой визг прокатился по всей Азии. В интернете без конца крутили видео этого момента с наложенными на него мультяшными кроликами и звуковыми эффектами. В моем любимом нарисованное стекло разбивалось вдребезги в тот самый момент, когда раздавался визг. Это было сделано так мастерски, что я смеялась всякий раз, когда его пересматривала.

Однако моя управляющая компания сочла это промахом, несовершенством в остальном идеальной звезды K-Pop.

Именно об этом провале я думала, стоя на сцене в Гонконге. Последняя остановка в моем азиатском турне.

Тем не менее я ощущала что-то особенное — потоки возбуждения в пространстве между мной и толпой. Вот почему я делала это. Что бы я ни чувствовала за несколько дней или секунд до того, как выходила на сцену, например, беспокойство

о том, что снова все испорчу, — все это исчезало, когда энергия толпы проникала мне под кожу и попадала в кровь.

Яростное обожание как вода осмосом[1].

Мои ноги в серебристых сапогах на шпильках прочно стояли на полу. Мой вечный кошмар: сапоги, гоняющиеся за мной по парковке. Они размером с человека, бегают за мной, и мы наматываем бесконечные круги, пока я пытаюсь убежать. Мои менеджеры настояли на том, чтобы я выступала в одних и тех же Ботинках. Мой фирменный образ — сапоги на всю длину моих ног.

Я высокая: пять футов, восемь дюймов — настоящий гигант в Сеуле. Но не существует понятия «слишком высокий».

Пока я исполняла хореографию «Heartbeat», мне удавалось игнорировать боль, простреливающую подушечки пальцев на ногах, вечно врезающиеся в попу открытые шорты и длинные пряди розового парика, липнущие к потным щекам. Эти движения я могла бы повторить с завязанными глазами и сломанными ногами. Я проделывала их сотни раз. Мое тело двигалось само по себе, словно на автопилоте. Иногда, когда я заканчивала исполнять «Heartbeat», голова моя оказывалась под странным углом, как того требовал танец, я смаргивала и невольно задавалась вопросом, где находилась последние три минуты или двадцать четыре секунды.

Когда мое тело вот так брало верх над разумом, я знала, что работаю хорошо. Меня вознаграждали за абсолютную точность, с которой я выступала.

И сегодняшний вечер не стал исключением. Я закончила песню и посмотрела в толпу, крики фанатов пронзили меня, и я вернулась в свое тело.

Наконец-то с этим туром покончено.

За кулисами меня тут же окружили люди: визажист, стилист и охранник. Я плюхнулась в кресло, мои волосы обраба-

[1] Вода с определенным способом фильтрации.

тывали сухим шампунем, а лицо промокали матирующими салфетками.

— Только не убей влажное сияние, — сказала я Лонни, своему визажисту.

Лонни поджала губы:

— Тебе семнадцать, тебе не нужна эта «роса».

Хм.

Я позволила ей и дальше вытирать мое потное лицо. Танцовщицы, спотыкаясь, прошли за кулисы — группа мужчин и женщин в замысловатых сексуальных черных нарядах. Я вскочила со стула, от чего Лонни раздраженно цокнула языком, и согнулась.

— Sugohaesso! — сказала я, кланяясь. — Большое вам спасибо.

Я всегда старалась благодарить их как по-корейски, так и по-английски, потому что танцоры были родом из самых разных стран.

Они страдали вместе со мной каждую репетицию и выступление, но не получали ни капли славы. Моя признательность была искренней, хотя и ожидаемой. Звезды K-Pop всегда должны быть любезными.

Потные и измотанные, они поклонились и поблагодарили меня в ответ.

— Отлично, Лаки, — сказал один из танцоров, Джин, подмигнув. — Почти не отставала от меня.

Я покраснела. Джин был милым. Он так же был недосягаем для меня, как и большинство мальчиков в моей жизни.

— Я добью этот поворот на днях, — с нервным смехом ответила я.

Они пошли все вместе к себе в отель. Я с завистью смотрела им вслед. Соберутся ли они тусоваться в чьей-то комнате, поедая рамен из чашек?

Неважно. Ноги у меня отваливались. Я плюхнулась обратно в кресло.

Чья-то рука похлопала меня по спине.

— Привет. Ты тоже. Sugohaesso, — сказала помощник моего менеджера Джи Йон. Джи Йон всегда говорила мне после выступлений, что я отлично справилась, словно гордая, но строгая старшая сестра. Она была крошечной молодой женщиной, похожей на кролика, ее полнощекое лицо скрывала острая, коротко остриженная челка и огромные очки. Но она была сильной личностью, добивавшейся своего.

Она листала календарь на своем телефоне.

— У нас запланирована встреча-приветствие примерно на час, так что возьми воду.

— Что? Встреча-приветствие? — я закончила с таким пару лет назад. Это больше подходило начинающим поп-группам. По достижении определенного уровня это уже не нужно.

— Да. Поскольку это — твоя последняя остановка, мы решили, что сделаем фотосессию, — она протянула мне бутылку Evian.

— Значит, я пробуду тут еще час? — я постаралась не ныть.

— Это быстро. Войдешь и выйдешь. Разве ты не хочешь? — спросила Джи Йон, гладя поверх очков.

«*Не ленись*». Я покачала головой.

— Нет, нормально.

— Ладно, хорошо. А теперь давай поменяем тебе наряд на что-нибудь удобное для фанатов, — сказала Джи Йон, слегка подергивая носом, отчего очки задвигались вверх-вниз на бледном лице. — Но не сапоги, конечно. Их нужно оставить.

Конечно.

Несколько минут спустя я сидела за столом, подписывая альбомы, постеры и все, что принесли с собой фанаты. И хотя всего несколько минут назад мне хотелось забраться в постель, восторг фанатов наполнил меня знакомой энергией. Общение с ними в последнее время стало такой редкостью.

— Могу я сделать селфи?

Я посмотрела на девушку с брекетами и стрижкой пикси, и уже собиралась сказать «да», когда мой телохранитель Рен Чанг встал передо мной и покачал головой.

Я бросила на девушку извиняющийся взгляд, прежде чем ко мне подошел следующий фанат с плакатом на подпись.

В первые дни мне хотелось обнять всех и поговорить со всеми, кто стоял в очереди, чтобы увидеть меня. Но чем больше становилось поклонников, тем более расплывчатыми и безликими они казались. Я боролась с тем, чтобы не отвечать им сухо и официально.

— Спасибо, что пришли, — сказала я с улыбкой пожилому мужчине, подписывая его плакат черным маркером.

Он кивнул, не глядя мне в глаза. Но его рука задела мою, когда я возвращала плакат, и он подвинулся ближе. Я почувствовала запах того, что он ел, тепло его тела. Не теряя ни секунды, Рен твердой рукой оттолкнул его. Я виновато улыбнулась мужчине, хотя внутренне отшатнулось. Большинство моих поклонников-мужчин были совершенно нормальны, но существовали чрезвычайно энергичные, потные индивиды, приближавшиеся ко мне с такой скоростью, что я пугалась. В такие моменты мне все равно приходилось вести себя любезно. Всегда с благодарностью за то, что у меня есть.

В конце концов, очередь закончилась, и я встала, помахала и поклонилась ряду кричащих и ликующих фанатов. Они взревели, когда я показала знак мира, и меня утащили через заднюю дверь.

Едва я вышла на улицу, на меня обрушились папарацци и фанаты.

Вспышки фотокамер, голоса, выкрикивающие мое имя, толпы людей.

Рен и еще несколько телохранителей сомкнулись вокруг меня, словно защитная мембрана. Люди напирали на них,

и круг безопасности колебался, пока мы шли узким переулком к фургону.

— *Лаки, люблю тебя!* — прокричала девушка. Инстинктивно мне захотелось посмотреть туда и сказать: «Спасибо!», но это открыло бы шлюзы. Я давным-давно усвоила этот урок.

Вместо этого я смотрела вниз, на ноги Рена, шагающего впереди. Я успокаивала бешено колотящееся сердце, заставляя себя сосредоточиться на его шагах. Иначе я бы впала в настоящую панику от мыслей о том, что меня растопчут миллионы людей, желающих заполучить частичку меня.

Моя охрана замедлила шаг, и я подняла глаза. Машина была рядом, но люди загораживали ее. Прибыла полиция, и энергия накачивалась сама собой — та стадия мании, которую никто не мог контролировать, когда взрослые мужчины с огромными-руками отбивались от девочек-подростков, беспомощно наблюдая, как они, дикие и голодные, перелезают через них, словно через деревья.

Мое сердце бешено колотилось, ладони вспотели, на меня накатила волна тошноты.

— Держись поближе, — тихо сказал Рен, закрывая широкой рукой мой торс.

— Как будто у меня есть выбор? — спросила я охрипшим после выступления голосом. Я чувствовала раздражение на Рена безо всякой причины.

— Или тебя могут затоптать, — мягко ответил он. Рен был ровесником моего отца, но поддерживал себя в олимпийской форме. И не мог похвастаться чувством юмора.

Я подошла ближе — и через несколько секунд свежий воздух прорвался сквозь круг, стену тел. Мое сердце вновь билось нормально, и я подняла лицо к яркому горизонту Гонконга. Он мелькнул передо мной на секунду, прежде чем меня благополучно посадили в фургон.

Первое, что я сделала, — это сняла долбаные сапоги.

Глава вторая

Джек

Я смотрел на президента Гонконгского строительного банка, пока он разглагольствовал о кварталах и еще о чем-то столь же скучном, пока глаза не начали слезиться от боли. Глазные яблоки человека не предназначены для того, чтобы так долго фокусироваться на одном объекте. Я проверил время на телефоне. О, боже. Уже тридцать минут? *Тридцать минут!* Сколько можно говорить о банковских делах?

— Па, — прошептал я, ткнув его локтем.

Не сводя темных глаз с парня, выступавшего со сцены, мой отец не ответил. Его губы были упрямо сжаты на квадратной челюсти. Аккуратная линия волос встречалась с накрахмаленным белым воротничком рубашки. Он сидел с невероятно прямой спиной на своем стуле в банкетном зале отеля, неудобном, обтянутом атласной тканью кремового цвета. Я пихал его, пока он наконец не взглянул на меня раздраженно, нахмурив брови.

— Что? — прошептал он.

— В какой момент станет... ну, знаешь, весело? — шепотом спросил я.

— Малыш, ты действительно думал, что ужин в честь годовщины открытия банка будет веселым? — спросил он со смешком.

Хороший довод. Я оглядел банкетный зал отеля, полный банкиров в официальной одежде, поедающих гребешки. Это был, наверное, самый депрессивный пятничный вечер в моей жизни.

— Ну, я думал, что еда, по крайней мере, будет вкусной, — пробормотал я.

— Эй, это бесплатно, — он оглянулся, прищурившись на меня из-под редких прямых бровей. — Ты должен остаться.

Я вздохнул и откинулся на спинку стула, мрачно улыбаясь другим людям за нашим столом, которые уже начали на нас пялиться.

— Знаешь, когда я хотел взять год перерыва, я имел в виду совсем другое. Больше походов, меньше банкетных залов, — пробормотал я.

— Не может быть, — его губы дернулись в усмешке.

Когда я объявил, что хочу взять перерыв на год перед колледжем, мои родители согласились на это только при условии, что осенью, после окончания школы, я начну стажировку в банке отца. На дворе уже был январь, и работа на неполный рабочий день медленно убивала меня скукой.

Человек на сцене наконец закончил свою речь, и все вежливо захлопали. Слава богу. Люди бросились к десертному столу, и я уже собирался пойти взять торт, но отец остановил меня.

— Джек, я хочу, чтобы ты познакомился с некоторыми людьми, — сказал он, помахав паре. Я мысленно застонал. Он бросил на меня предупреждающий взгляд. — Эта стажировка — не формальность. Предполагается, что ты познакомишься с людьми. У некоторых из присутствующих связи в лучших колледжах Штатов.

Здорово. Я нацепил свою очаровывающую улыбку. Она была очень действенной.

Высокая азиатка с темно-красной помадой на губах протянула мне руку.

— Джек! Мы рады, что ты пришел. Отлично для начала карьеры.

— Спасибо, Кэролин, — сказал я. Ее брови приподнялись в приятном удивлении. Я хорошо запоминал имена. — Но давайте будем честны, я тут ради торта.

Она запрокинула голову и рассмеялась, так же, как и ее компаньон — дородный индиец в дорогом костюме. Нихил, если я правильно запомнил.

— Обязательно попробуй тирамису, — сказал Нихил с изысканным британским акцентом.

— Итак, как проходит твой год-перерыв, Джек? У меня остались приятные впечатления о путешествии с рюкзаком по Европе.

Я бросил на отца очень внимательный взгляд. Видишь? *Пеший туризм! Это — то, о чем я говорил!*

Но ответил:

— О, отлично. Думаю, можно многому научиться до колледжа, и у меня есть возможность сделать это, — это была тонкая издевка над реальностью, и, думаю, отец ее уловил.

Нихил щелкнул пальцами.

— У меня есть вопрос про камеры, Джек!

Я остолбенел.

— М?

— Да, я видел тебя в кабинете с модной камерой, — сказал он. — Ты ведь разбираешься в них? Мне нужен совет.

Отец заерзал рядом со мной, и напряжение поползло по моей спине.

— Конечно. Какая камера вас интересует?

Нихил описывал, что он хочет, а я старался сохранить нейтральное выражение лица. Да, я кое-что знал о камерах. Я увлекался фотографией уже много лет, с тех пор как получил свой первый фотоаппарат на Рождество от родителей — Canon Rebel, который я повсюду брал с собой. Мои родители считали это хобби. Они ясно дали мне это понять, когда я стал смотреть арт–программы в колледжах для поступления. Они отнеслись к этому крайне скептически и принялись подталкивать меня к бизнесу и инженерии.

Это убивало во мне желание учиться дальше. Почему я и попросил каникулярный год. Идея изучать бизнес или что-то в этом роде вместо фотографии вызывала у меня панику.

Главное, о чем я не сказал родителям: я не был уверен, что вообще хочу поступать дальше в колледж. Он казался теперь чем-то далеким. Таким далеким, что я не знал, станет ли он когда-нибудь частью моей жизни. Я видел, к чему это ведет. К банкетному залу, нелепо дорогому костюму и тирамису.

Я взглянул на отца в его дорогом костюме. У него тоже была не та жизнь, которую он хотел. В колледже мой отец изучал писательское мастерство. Даже получил диплом магистра искусств. Но жизнь и обстоятельства привели его сюда.

После того, как я дал Нихилу несколько советов по работе с камерой, разговор перешел на тему финансов, поэтому я пошел к десертному столу. Но все выглядело неаппетитно. Воротник рубашки душил, гул банкетного зала оглушал. Экзистенциальный ужас наполнял меня каждое мгновение, что я находился тут. Я чувствовал, как течет время, как стареют мои клетки. Я сделал глубокий вдох, мой разум лихорадочно искал способ отсюда свинтить. Заболеть? Мой отец — гермофоб, это может сработать.

Я вернулся к столу, сел рядом с отцом и закашлялся так сильно, что он отшатнулся.

— Чувствую себя не очень, — слабо пробормотал я, преувеличивая.

— Это потому что ты постоянно переохлаждаешься, — проворчал папа. — В этом твоем отеле хотя бы есть отопление?

Моим родителям очень не нравилась моя комната в Сёнване. Как только я окончил школу, я съехал, практически не имея денег, и мое текущее жилье демонстрировало это. Хотя район, в котором я жил, был модным и довольно дорогим, я выбрал один из старых многоквартирных домов. Квартиры там были крошечными и обычно располагались над витринами ма-

газинов, в которых продавалась сушеная рыба и травы. Но поскольку район был перспективным, это все равно было больше, чем я мог позволить себе, и мне нужен был сосед по комнате. В двухкомнатной квартире. Это был стресс — платить аренду и еще что-то откладывать. Я не был уверен в том, что смогу продолжать в том же духе долго, и делал все возможное, чтобы избежать будущего, на которое надеялись мои родители.

— У нас есть отопление, — легко солгал я. — Но у меня все равно начинает болеть горло.

Папа устремил на меня проницательный взгляд.

— Ты притворяешься больным, чтобы сбежать отсюда?

Я шмыгнул носом — очень правдоподобно.

— Зачем? Ты же знаешь, как я этого ждал. Мой первый банкет. Или типа того.

На лице его отражался скептицизм, но я чувствовал, что его фобия пересиливает интуицию.

— Хорошо, все равно все уже заканчивается. Иди домой и отдохни. Сказать маме, чтобы прислала немного еды?

Самая легкая победа из всех.

— Не, спасибо. Возьму конджи дома за углом.

Он пробурчал, что корейская рисовая каша на молоке лучше конджи, мы попрощались, и я наконец вышел из банкетного зала в вестибюль шикарного отеля.

Моя семья была не из Гонконга. Оба моих родителя иммигрировали в США из Кореи, когда были детьми, а я родился и вырос в Лос-Анджелесе. А потом, год назад, мой отец получил заманчивое предложение работы в банке в Гонконге, и не смог от него отказаться. Гонконг был финансовой и банковской столицей Азии.

Все всегда упиралось в деньги. Мой отец отложил свою мечту написать великий американский роман, когда семья мамы начала давить на него, чтобы он получил «настоящую работу», и это привело его в банк. А потом появились дети. Что еще

больше укрепило его позиции в банковском мире. И вот так мы очутились тут.

Два швейцара открыли передо мной двойные двери, и я нырнул наружу, кивнув в знак благодарности. Взглянул на отель снаружи, — изящную, головокружительную башню из стекла, окруженную другими небоскребами. Многие из них сияли розовой или зеленой подсветкой. От воды поднимался легкий туман, придавая всему сказочный, футуристичный вид.

Это было странно. Несмотря на то, что тоска по дому сначала едва не убила меня, мне начинало тут нравиться. Иногда отправляешься в какое-то новое место, и оно кажется тебе странно знакомым, как будто ты видел его однажды во сне.

Я не романтизирую, ничего подобного.

Я шел по изогнутой подъездной дорожке отеля. Роскошные автомобили стояли вдоль тротуара, и я едва не попал под один такой — черный Escalade, с визгом притормозивший у входа. Парковщики бросились открывать заднюю дверь, оттуда вышел белый парень в темных очках с копной рыжих волос.

Я узнал эти рыжие волосы. Это был Тедди Слейд, звезда американских боевиков. Матерь божья, он что, остановился тут? Это сомнительное ощущение чего-то родного заставило меня остановиться и последовать за ним обратно в вестибюль. Он шагнул прямо в открывшийся для него лифт.

За ним в лифт вошла женщина в темных очках и в темном пальто.

У женщины был профиль Гонконгской суперзвезды Селесты Цзян. Я не мог в это поверить. Тут же написал Тревору Накамуре:

«Прямо сейчас в отеле «Скайлофт» я смотрю на Тедди Слейда. С ним Селеста Цзян».

Тревор был редактором самого большого и грязного таблоида Гонконга — «Слухи». И я работал на него. Он сразу же написал в ответ:

«*Все пытаются получить доказательства этой связи. Можешь сделать фото?*».

Последние шесть месяцев я подрабатывал для Тревора, делая ему фото где только мог. Мои родители, конечно, понятия не имели об этом.

Я отправил ответ: «*Могу*». Затем проследил цифры на лифте. Лифт не останавливался вплоть до пентхауса.

«*Есть*».

У стойки регистрации я получил теплый прием. В шикарных отелях ко всем относятся хорошо, потому что никогда не знаешь, с кем разговариваешь на самом деле. Я мог оказаться сыном Джеки Чана.

— Добрый вечер, сэр, чем можем помочь? — меня приветствовала опрятная молодая женщина с легким акцентом. Я присмотрелся к ней... я знал, что в подобных отелях не гостям не разрешалось подниматься в номера. Именно поэтому тут и останавливались знаменитости. Это был небольшой люксовый отель, и персонал, вероятно, знал большинство своих гостей. Нужно быть осторожным.

Я быстро улыбнулся ей и взглянул на ее бейдж с именем.

— Привет, Джессика. Я встречаюсь с другом, который остановился тут. Могу я подождать его здесь? — я позволил своему взгляду задержаться на ней подольше.

Она покраснела и улыбнулась мне в ответ.

— О, конечно, наверное, лучше — в вестибюле у лифтов. Так ваш друг сразу же вас увидит.

— Спасибо, Джессика, — я легонько прикоснулся к ее руке, прежде чем пройти в вестибюль. Зная, что она еще наблюдает за мной, я сел в одно из бархатных серо-голубых кресел и достал телефон, как будто отправляя сообщение другу. На самом деле я изучал отель. Сколько номеров было в пентхаусе?

Точно. Их было два. Просто.

Я подождал еще несколько секунд, прежде чем снова взглянуть на Джессику, которая уже помогала другому гостю. Я быстро оглядел вестибюль, тускло освещенный и заставленный изящной мебелью. И цветами. Множеством букетов.

Лифт звякнул, я поднял взгляд. Мужчина и женщина, громко переговариваясь, с австралийским акцентом, вышли из лифта, а внутрь вошла азиатка в узорчатом шарфе. Я встал, стащил один из букетов, стоящих на кофейном столике, и проскользнул внутрь вслед за ней, отступив в угол.

Букет оказался куда более массивным, чем выглядел, стоя на столе, и практически раздавил даму в лифте. Я даже не мог ее видеть. Я услышал, как она фыркнула, когда обошла меня и выбрала этаж. Выглянув из-за листвы, я увидел, что загорелось «17». Точно. Нужна ведь дурацкая карточка-ключ, чтобы выбрать этаж.

— Черт. Не могу дотянуться до своей карты с этим чудовищем, — сказал я с отработанным британским акцентом, которым обычно щеголяют гонконгские дети, выросшие в интернатах. — Не могли бы вы нажать для меня этаж пентхауса?

Женщина издала многострадальный вздох, и я услышал, как она нажала на кнопку.

— Бесконечная благодарность, — сказал я из-за гигантских лепестков лилий фламинго с розовыми прожилками. Она не ответила.

Круто, леди. Кого волнует то, что вы могли впустить в отель корейского Теда Банди?

Женщина вышла на своем этаже, и я испустил мучительный вздох.

— Спокойно ночи! — сказал я, когда она выходила. Она все равно не ответила, и двери за ней закрылись. — Скатертью дорога.

Лифт взлетел прямо на этаж пентхауса.

Время делать фото.

Глава третья

Лаки

— Нам обязательно смотреть это сейчас? — я уставилась на своего менеджера.

Джозеф Йим не отвел взгляда.

— Через три дня ты участвуешь в шоу «The Later Tonight». Если есть возможность сделать что-то лучше, мы должны позаботиться об этом сейчас, не так ли? — его льдисто-голубая рубашка была накрахмалена и заправлена в темно-синие брюки. Он обращал на себя внимание высокими скулами и стальным цветом глаз. Ему было всего под тридцать, и он был кем-то вроде вундеркинда на K-Pop сцене. Под его лейблом уже записано немало синглов горячей сотни. Говорили, у него сверхъестественная способность предугадывать, кто станет следующей большой звездой. Jaeneung, дарованием. И на данный момент его главным создателем хитов была я.

И если все пойдет по плану, я стану не только царствующей королевой K-Pop, но и международной поп-звездой. Шоу «The Later Tonight» должно было сделать меня популярной в Америке.

Америка. Последний рубеж. Не многие K-Pop исполнители преодолели его. K-Pop бесспорно завоевывал популярность в США, но еще не было женщины — звезды K-Pop, песни которой крутили бы на американском радио наравне с хитами Бейонсе или Тейлор Свифт.